

Нина

Клиновицкая

Клиновицкая Нина Константиновна родилась в г. Лениногорске (Риддер) Восточно-Казахстанской области. В начале 1993 года увлеклась биоэнергетикой, под воздействием чего начала писать стихи. Печаталась в журнале «Простор», антологии «Мой Риддер, мой Лениногорск», литературном альманахе «Риддерская радуга», в местной печати. Автор книг «Радость светлого дня» и «Мы – это мир». Заняла второе место в областном литературном конкурсе «Свободной музы приношение». Живет в Риддере.

РОКОВАЯ ВСТРЕЧА

РАССКАЗ

Вдоль протоки Хамира, на левом высоком его берегу, раскинулась почти километр деревня Козлушка. Обычная деревня, с деревообрабатывающим цехом, школой и клубом. А еще с красивыми зелеными окрестностями.

Здесь-то и жили братья Снигиревы, Иван да Пимен. Избы их стояли почти рядом, всего через один двор. Иван был худой, высокий и жилистый. Занимался скотоводством, вдвоем с братом держали они одну пасеку, ну и, конечно, охотой промышлял. Весной и осенью птицу постреливал (глухарей, косачей, рябчиков), а зимой пушного зверька добывал.

Ружьишко у него было старое, дедовское еще – дробовик (тажно порох, тажно пыж, тажно дробь, тажно пыж)... Раз выстрелил, и всё, снова зарядай. Так оно и подвело его однажды.

Отправился как-то Иван косачей пострелять. Идет себе спокойненько по тропе, а как только стал скалу огибать, так нос к носу и столкнулся с медведем.

Не растерялся Иван, хватя ружье и выстрелил тому прямо в пасть. Но не убил, только челюсти испортил. А заряжать второй раз уже поздно. Схватил его медведь и ну трепать. Всё тело изодрал когтями, даже голову пытался жевать, да челюсти подбиты. Угомонился медведь, когда Иван уже перестал признаки жизни подавать. Завалил его ветками и ушел.

Вскоре Иван очнулся, встать не может и пополз к пасеке. Медведь тем временем решил проведать свою добычу. Вернулся, а мужика-то нет!

Взревел косолапый и пустился вдогонку. Ползет Иван потихоньку и вдруг слышит треск и сопение. «Ну вот и всё, – подумал, – теперь-то уж не уйти», – и

додумать не успел, как сгреб его медведь и давай лапами драть, да подбитой пастью мусолить. Живого места не оставил, и голову, и лицо изодрал. Успокоился, наконец, снова закидал ветками и укобылял прочь.

Только к ночи очнулся Иван. «Неужели живой?» Прислушался – тихо вокруг. И пополз из последних, откуда-то взявшихся сил к пасеке. Очень длинным показался ему этот путь.

Вот и омшаник. «Кажись, добрался», – пробормотал Иван, заползая на трап. Уже возле окна услышал он за спиной рычание. Как огнем полоснуло по сердцу Ивана. Рванулся он вперед и слетел в омшаник, на солому. В следующий момент увидел в проеме окна рычащую морду медведя, который смотрел вниз и как будто решал, прыгать ему внутрь или убраться восвояси. Ранен был мишка, видно, сильно ослаб. Порычал немного, повернулся и ушел.

Это последнее, что увидел и запомнил Иван. Не видел и не чувствовал он, как родной его брат Пимен, богатырского сложения мужик, под которым прогибалась спина его кобылки, аккуратно вытащил его из омшаника и на той самой кобылке доставил в деревню, к единственной знахарке, которая долго и упорно выхаживала Ивана всеми известными ей способами. Больше года лечила его знахарка. На ноги поставила, но страшные шрамы так и остались у него на теле и на лице на всю жизнь.

Надо сказать, что прожил еще после этого Иван лет сорок, а то и поболее. Уже к восьмидесяти ему было, когда он поведал эту историю. А теперь я передаю ее вам.

